

著者(英)	Marina Mongush
journal or publication title	Senri Ethnological Reports
volume	92
page range	126-139
year	2010-05-25
URL	http://doi.org/10.15021/00001034

ассимиляции и депопуляции тувинского общества в будущем будет довольно сложно. К тому же следует заметить, что на фоне тувинских мужчин с невысоким адаптивным потенциалом, с которым крайне сложно выжить в условиях глубоких трансформаций в обществе, китайцы выглядят весьма выигрышно. Когда женщин, вышедших замуж за китайцев, спросили, почему их выбор пал именно на них, все без исключения ответили: «Китайский муж лучше тувинского, потому что не пьет, много работает, обеспечивает семью, заботится о детях». Но китаец по сравнению с тувинцем, да и с тем же русским, не только надежный семьянин, он также удачливый предприниматель, готовый работать 24 часа в сутки ради достижения поставленной цели. Открыв свое дело в Туве, он принимает на работу родственников жены, а в случае необходимости вызывает свою родню из Китая, которую также привлекает к общему бизнесу. Так возникают тувинско-китайские родственные связи, которыми тувинцы предпочитают гордиться, несмотря на историческую память, в которой китайцы запечатлелись как люди, беспощадно обиравшие и эксплуатировавшие их предков.

Тувинско-китайские контакты дополняются также регулярными поездками тувинцев в Китай. Так, каждую неделю совершаются автобусные экскурсии из Кызыла в Маньчжурию; ежегодно организуются групповые поездки на курорты Поднебесной; участились частные визиты к родственникам в Китай, которые обосновались там благодаря заключению брака с гражданами этой страны.

Для обсуждения вопросов двустороннего сотрудничества в Китай направляются специальные правительственные делегации из Тувы. С этой же целью Туву регулярно посещают представители китайской стороны. Все это создает благоприятную почву не только для тувинско-китайского сотрудничества, но и расширения и укрепления китайского присутствия в Туве.

Если в прошлые века китайцы из Тувы вывозили пушнину, скот, маральи рога, медвежью желчь и прочую «мелочь», то сейчас они претендуют на вывоз сырья, что, безусловно, свидетельствует об ином качестве и размахе китайского присутствия в Туве.

7. Брат, научивший говорить по-русски

Вопросу проникновения русских в Туву Менхен-Хельфен уделяет ничуть не меньше внимания, чем китайскому присутствию в крае. Если к моменту его визита китайцев в стране осталось немного, то русские, напротив, прибывали сюда целыми колониями. Исследователи выделяют четыре этапа переселения русских в Туву.

На первом этапе (1880-1906 гг) в Туву переселялись, незаконно пересекая китайскую границу, наиболее предприимчивые старообрядцы, гонимые и преследуемые царской администрацией. Именно на этом начальном этапе стихийного потока и возникли в северной части Тувы первые два русских поселения – Туран (см. Моллеров 2003:61-85) и Уюк. Старообрядцы надеялись, что в этой далекой стране они не только обретут новые возможности ведения традиционно-общинного хозяйства, но и сохранят свои религиозные верования.

На втором этапе (1907-1911 гг) миграция приняла более целенаправленный характер, обусловленный осознанной заинтересованностью местной русской администрации укреплять свои позиции в Туве, создать опорные пункты для дальнейшего освоения края. На этом этапе были основаны русские поселки в Улуг-Хемском и Каа-Хемском кожуунах (Атамановка, Знаменка, Никольское). Численность русских на тот момент достигала более 2 тыс. человек; они были разбросаны по 116 населенным пунктам. Основная их часть селилась деревнями, купцы и кулаки — хуторами (История Тувы 2001:294).

На третьем этапе (1911–1916 гг) в связи с захватом земель тувинских аратов межэтнические отношения между русскими переселенцами и местным населением существенно обострились. Переселение русских в Туву вступило в этап правительственного патернализма, чему в немалой степени способствовало созданные органы переселенческого управления. После принятия Тувой протектората России в 1914 г. здесь было образовано переселенческое управление, призванное регулировать процесс принятия новых граждан.

На четвертом этапе (1917-1921 гг) обострение отношений на межэтнической почве имели дальнейшее продолжение. К ним добавились также разногласия внутри самих русских, между их разбогатевшими старожилами и вновь прибывающими бедными мигрантами (Дулов 1956:354-356; Анайбан 1999:64-65). А.П.Беннигсен в своем докладе о Русском деле в Урянхайском крае отмечает: «Не могу сказать, чтобы жили наши купцы дружно. Постоянные недоразумения происходят от того, что наши торговцы строят заимки, не спросившись сойотов (тувинцев – М.М). Урянхайцы (тувинцы – М.М) готовы пускать к себе сколько угодно русских, но с тем условием, чтобы они жили поселками, в определенных местах, они им тогда дадут право строить дома с крышами, отведут им земли для пашен. Но купцы наши не хотят жить вместе – будут соседи тоже купцы, будут конкуренты, и это-то им нежелательно» (Беннигсен 1913:30).

Что касается взаимоотношений между русскими и тувинцами, то они

носили мирный характер. По свидетельству В. Дашкевича, первые попытки проникновения русских в Туву сопровождались грабежами и даже убийствами купцов, поджогами их домов. Однако настойчивость и энергия русских, действовавших очень осторожно и последовательно, не допуская со своей стороны никаких правонарушений, и, главное, поддерживающих добрые отношения с тувинскими властями, привели к тому, что между ними установились дружественные отношения (Дашкевич 1911:214).

Н.П.Москаленко считает, что сближению двух народов в немалой степени способствовало умение использовать русскими спецслужбами психологического фактора. В качестве доказательства она приводит инструкцию, составленную усинским пограничным начальником А. Чириковым, в которой сказано: «основная цель каждого русского обывателя, а тем более агента внушать и объяснять русским, проживающим в Урянхае, что они смотрят на урянхайцев как на своих братьев, а поэтому будут обходиться с ними по-христиански, по-братски. Русские должны дать понять урянхайцам, что край этот мы не считаем китайским. Всеми силами стараться доказать какое зло приносят им китайцы, продавая им свою водку и открывая кредит. Что все это может быть прекращено, если они обратятся к русской власти о подданстве. В то же время каждый из нас должен зорко следить и внимательно прислушиваться ко всему происходящему в Урянхае» (Москаленко 2004:47).

По мнению тувинского историка В. Д. Март-оола, тувинско-русской дружбе способствовала исключительная толерантность, в одинаковой мере присущая двум народам. Он также отмечает большую веротерпимость как со стороны тувинцев, так и со стороны русских (Март-оол 2002:10). Последние, как известно, принесли с собой христианскую веру двух направлений - православие, представлявшую собой официальную религию бывшей Российской империи, и старообрядчество, образовавшееся в результате раскола того же православия в ходе реформ Патриарха Никона в 50-е годы ХУП в. Благодаря этому в Туве появились объединение евангельских христиан-баптистов и община старообрядцев-беспоповцев. Местами их компактного проживания стали Бейсэ и Хемчикский (современные Каа-Хемский, Пий-Хемский, Улуг-Хемский, Тандынский, Дзун-Хемчикский и Тоджинский) кожууны. Первый православный храм в Туве появился в Туране в 1910 г., а в 1914 г. была построена Троицкая православная церковь в Кызыле (Хомушку 1998:101).

«Начиная примерно с 1840 г., - пишет Менхен-Хельфен, - между тувинцами и пограничными минусинскими казаками устанавливается меновая торговля. Казаки привозили олово, сукно, кольца и прочую

дребедень, словом тот ассортимент товаров, которым европейские народы всегда выманивали у диких народов скот, шерсть и главным образом пушнину». Русские ввозили также в большом количестве «опий для народа» - так Менхен-Хельфен называет религиозные принадлежности, которые привозились из России взамен китайским. На тувинском потребительском рынке появились также самовары, тазы, железные печи, чайники, котлы и сельхозинвентарь (фото 14, 15). Несмотря на то, что в Туве существовал запрет на ввоз алкоголя, русские сумели уговорить тувинское правительство снять его. Так к тувинцам впервые попала русская водка. Позже русские открыли спиртовой трест и стали выпускать водку в неограниченном количестве. В результате этого процент пьющих в Туве резко возрос – с 10% до 35% (Менхен-Хельфен 1931:77, 83). Об употреблении тувинцами опьяняющих напитков писал и Каррутерс. По его мнению, традиционный алкогольный напиток, который тувинцы изготавливали из кобыльего молока, не оказывал столь удручающе пагубного воздействия на них, как русская водка. Потому оптовый ввоз в Туву крепких напитков оказывал «вредное влияние на состояние всей расы, взятой в целом», а опасность ее вырождения усугублялась «еще свирепствующими здесь неопределенными пока болезнями, которые, вне сомнения, глубоко укоренились среди всей туземной расы» (Каррутерс 1914:233).

Вслед за этими «случайными торговцами» не замедлили появиться и «матерые купцы». Среди них оказался некий купец Веселков, который в 1863 г. одним из первых пересек Саяны. Он привез в Туву товары на сумму около 4 тыс. рублей и открыл здесь небольшой торговый склад. Его торговая деятельность носила неоднозначный характер. За пару иголок или блестящих пуговиц он умудрялся получать «стада быков и выючных животных, нагруженных овечьими шкурами и мехами». Только за первый год своей хищнической торговли он сделал выручку на 25 тысяч рублей; по тем временам это были баснословные деньги. Этим он вызвал возмущение и негодование у тувинцев, которые в 1867 году в отместку сожгли весь его склад. На это русское правительство ответило вводом войск в Туву и «заставило тувинцев возместить убыток в сумме, значительно превосходящей действительную стоимость товаров». Тувинцам пришлось компенсировать Веселкову его потери, он получил с них 450 голов скота (на сумму около 15 тыс. рублей). В 1878 году, то есть 11 лет спустя после этого инцидента, тувинцы перебили всех русских купцов в районе Хемчика (Менхен-Хельфен 1931:151).

В 1869 году Веселков смело расположился недалеко от сожженного склада и построил новый, в который завез новые товары. На этот раз дело

у него пошло хорошо: местные жители нуждались в товарах, а русский купец организовал в добавок несколько артелей рыбаков. Пойманную рыбу солили и отправляли на рынок в Минусинск (Адрианов 2007:115).

Узнав об успешной торговле Веселкова, в Туву приехал другой русский, Бяков. «Этот купец также воспользовался всеми выгодами торговли без конкуренции», - пишет о нем А.В.Адрианов (Адрианов 2007:116). Он расположился со своей торговой палаткой в местности Уланбыра на Хемчике. Здесь находились обширные степи с богатейшими кормами, солонцами и водопоями, а в долинах по притокам Хемчика располагались удобные зимовки, защищаемые от ветра и холода. Год спустя за Бяковым по его следу явился другой купец, Сватиков. Сначала он устроился рядом с Бяковым, но позже переехал на другое место – в Хая-Бажы, где построил себе склад.

В 1871 году из Минусинска в Туву приехал купец М.Сафьянов. Его предки вели торговлю с качинскими татарами, от которых получали скот, и благодаря чему стали скотопромышленниками; они умели говорить по-татарски и были людьми в целом успешными в своем деле. И вот их наследник обосновался в Туве. В работе Каррутерса имеются интересные сведения о М.Сафьянове. Однажды спускаясь вниз по реке Пий-Хему, члены английской экспедиции остановились в его поместье. Будучи хлебосольным хозяином, Сафьянов устроил гостям угощение, а они, в свою очередь, получили огромное удовольствие от общения с ним. Каррутерс отзываясь о русском купце как о «самом культурном колонисте этого района», «замечательном пионере всего бассейна», который больше всех приложил усилий, чтобы освоить эту землю (Каррутерс 1914:156, 182). Выяснилось также, что Сафьянов не только отличный торговец, но и великий экспериментатор. Он основал одно из крупных месторождений золота в верховьях Тапсы. Успешная деятельность этого предприятия объяснялась, с одной стороны, достаточно большим капиталом, которым обладал его хозяин, с другой, привлечением дешевой рабочей силы (Каррутерс 1914:178). Не без гордости Сафьянов показал англичанам и своих верблюдов, которых в этом районе не должно было быть по определению, так как природно-климатические условия вовсе не пригодны для этих животных. У него также водились лошади, среди которых были два жеребца русской породы и один арабский скакун. За ними присматривал конюх-татарин. Скрещивая их, Сафьянов надеялся получить новую породу лошадей. Это занятие показалось англичанам «весьма заслуживающим того, чтобы им заниматься», так как в конце-концов могло привести к неплохим результатам. Сафьянов также показал иностранцам свой огород, в котором росли «в изобилии картофель, лук,

огурцы и растительные мозги»; здесь же он выращивал пшеницу, овес, ячмень и просо; собирался выращивать различные сорта яблок и дыни. «Мы охотно верим, что Сафьянов считается в глазах всех прочих колонистов бассейна авторитетом и что его имя чтут все урянхайцы за прямоту и честную торговлю», - заключает Каррутерс (Каррутерс 1914:183-184).

Не менее популярным в крае был и другой Сафьянов – Иннокентий. Он был коммунистом, жил на своей заимке на Салдаме. Ф.Я.Кон, лично знавший его, пишет, что он был «хороший, отзывчивый человек, во время голода в Сойотии (Туве – М.М.) скормивший сойотам всю имевшуюся у него на складе муку»; с тувинцами он сжился, и к нему отношение было более чем дружеским; в народе его звали просто Кешей (Кон 2007:496-497). В 1920-е годы он возглавил борьбу против китайца Яньши Чао, который мобилизовав 1000 тувинцев, пытался противостоять русскому влиянию в крае. В результате боев, имевших место на Оттуг-Даше, отряд И.Сафьянова одержал победу и тем самым укрепил авторитет Советской власти в глазах тувинцев (Архив ВПРФ, ф. 153, оп.6, папка1, д.6, л.13-14).

Позже в Туву появились крестьяне-кулаки; наиболее известными торговцами среди них были Вавилин и Медведев. В 1883 г. торговой деятельностью в Туву занимались 13 русских купцов (Дулов 1956:318-319). «Русские купцы открывали детски-наивным тувинцам широкий кредит, - пишет Менхен-Хельфен, - за что брали только 100% годовых и бессердечно взыскивали общий долг и ростовщические проценты». Китайским властям не нравилось подобное вторжение русских в Туву, однако активных попыток противостоять этому они не предпринимали (Менхен-Хельфен 1931:77, 83, 150-151). Русские обирали тувинцев ничуть не хуже китайцев. За фунт табака, который реально стоил всего 5 рублей, они получали шубу; за фунт железа – две овечьи шкуры и т.д (Радлов 2007:270).

Русские товары далеко не сразу завоевали тувинского потребителя; ассортимент китайских товаров устраивал его больше, так как он больше соответствовал нуждам кочевого быта. Хотя тувинцы и прозвали китайцев за их склонность к спекуляции «желтыми чертями», все-таки товары они предпочитали покупать у них. Купец М.Сафьянов отмечал, что китайская торговля идет намного успешнее, поскольку китайцы предлагают тувинцам подходящую для них одежду и обувь, принадлежности к сбруе и седла, без которых немислима их жизнь, а также соответствующие их вкусам украшения и посуду и, наконец, предметы буддийского культа, занимающего в жизни тувинцев господствующее положение (Сафьянов 1928:160, 163). В.В.Радлов пишет следующее: «С первого же взгляда на

домашнюю утварь становится ясно, что народ, снабжающий сойонов (сойотов – М.М.) предметами роскоши – китайцы» (Радлов 2007:268). Ф.Кон также отмечал, что предметами роскоши богатых тувинцев обеспечивают китайцы, в то время как русские купцы своим товаром преимущественно одевают бедноту (Кон 1936:168).

Здесь, очевидно, надо брать во внимание и то обстоятельство, что китайские купцы по сравнению с русскими имели больше возможностей для своей деятельности в Туве, так как получали всемерную поддержку со стороны китайской администрации. В 1903 г. улясутайский цзян-цзюнь разрешил им свободно въезжать в Туву без документов, в то время как для тувинцев, желавших по делам попасть в Монголию и Китай, он не предоставил аналогичных условий.

За привозимые товары Тува расплачивалась основным богатством — скотом, вывоз которого в Россию шел через Тункинскую долину в Иркутск, через Минусинск и Алтай в Томск и другие крупные города Западной Сибири. Вывозили из Тувы и скотоводческое сырье, особенно кожу, высшие сорта пушнины (соболь, бобр, лисица, выдра, колонок).

Одновременно с купцами в Туву проникали политические ссыльные, золотоискатели, бывшие батраки, каторжане и авантюристы разных мастей. Особую активность проявляли золотоискатели (фото 8). Не имея при себе никакого официального разрешения на добычу золота в Туве, они тем не менее прочно обосновывались в Тоджинском, Пий-Хемском и Улуг-Хемском кожуунах, где имелись не только плодородная почва, богатая флора и фауна, но и золотые прииски. Впервые золото здесь начали добывать в 1838 году. Люди тогда работали в одиночку или в паре, способы их добычи были крайне примитивными. Значительно позже – в 1870-1880-х годах – здесь уже работали специализированные артели. За первые 30 лет деятельности золотых приисков было добыто 9 тыс. килограмм драгоценного металла. В 1910 г. начались разработки уже на северном склоне хребта Танну-Ола и в западной части долины Элегеста. В 1914 г. в эксплуатацию были пущены современные машины, что значительно облегчило процесс добычи золота (Менхен-Хельфен 1931:79-80). О богатых месторождениях золота и деятельности первых русских золотопромышленников писал и Каррутерс: «Главным предметом, привлекающим в пределы бассейна сибирских пионеров, служит золото... Мы неоднократно наталкивались на различные золотые прииски..., но единственно успешно работающей из всех тех, о которых у нас имелись сведения, является лишь месторождение в пределах Верхней Тапсы, принадлежащее М.Сафьянову, причем успех ее разработки объясняется исключительно достаточным капиталом, которым обладает этот владелец»

(Каррутерс 2007:170-171).

В 1929 г., когда Менхен-Хельфен приехал в Туву, уже действовал Русский государственный золототрест, который был укомплектован разными специалистами, среди которых были не только золотодобытчики, но и инженеры-исследователи, геологи и многие другие. Они нашли в недрах Тувы огромные залежи асбеста, меди, графита, железной руды и прочих богатств. К этому добавлялись еще богатые пушным зверем леса, кишасшие рыбой реки и озера, богатые разнотравьем пастбища. Все это открывало безграничные возможности для русских колонистов, поэтому не удивительно, что Россия стала усиленно интересоваться Тувой. Русские стали жить здесь так же, «как жили их деды и прадеды в Вятке и Тамбове»; разница состояла лишь в том, что в домах предков находилась только икона, в то время как в домах колонистов рядом с иконой висели портреты Ленина, Буденного или Ворошилова. Русские чувствовали себя «носителями культуры» в этом «темном невежественном краю язычества». Слово «юрта» в их устах звучала презрительно, они его «не выговаривали, а выплевывали»; для них это был всего лишь «грязный войлок» без окон и печи, без стола и стульев. Такое жилище не пригодно для христиан, а потому они стали строить свои русские дома. Возмутительным Менхен-Хельфен нашел и то обстоятельство, что тувинская армия, насчитывавшая в своих рядах 1600 человек (при общей численности 60 тыс. чел.), имела русских инструкторов. А этого, как он считал, вполне достаточно, чтобы сделать весь народ послушным орудием в своих руках (Менхен-Хельфен 1931:79-80, 152, 170).

О том, как Тува в начале XX века стала местом притяжения самых различных сил и интересов, писал также Ф.Я.Кон: «Ныне, когда так называемая Урянхайская земля оказалась «обилующей млеком и медом», когда земледельцы нашли в ней благодарную для земледелия почву, скотоводы – степи, обилующие кормовыми травами, на которых скот держится на подножном корму круглый год, звероловы – богатую добычу, торговцы – выгодных покупателей, многими доставивших крупное состояние; когда в крае найдены богатейшие золотые россыпи, залежи асбеста, мрамора и т.д. – отношение к этой стране изменилось» (Кон 2007:276). Естественно, сюда потянулся разный люд в поисках места под солнцем.

Следует заметить, что во многих работах, посвященных истории Тувы конца XIX-начала XX вв., приход русских в край расценивается как колонизация. И Менхен-Хельфен, как мы видим, не был исключением. Однако специалисты считают, что этот термин используется исключительно «в случае насильственного захвата территории, принадлежащей другим,

как правило, более отсталым в экономическом плане народам». В качестве классического примера они приводят Америку, Африку и часть Азиатского материка, но форму «колонизации» Тувы не рассматривают как классическую и настаивают на термине «переселение» (Анайбан, Губогло, Козлов 1999:32). Эту точку зрения разделяют и многие тувинские исследователи.

На рубеже XIX — XX вв. под влиянием новых, довольно крупных русских предпринимательских хозяйств и небольших промышленных предприятий в социально-экономической жизни тувинского общества появились новые формы общественных отношений. Большинство действовавших в Туве русских предприятий основывались на принципах буржуазной собственности; некоторые из них, в основном кулацкие хозяйства, золотые прииски и небольшие частные предприятия, втягивали часть тувинцев в сферу новых товарно-денежных отношений, которые не могли не оказать влияния на общую экономику и социальную жизнь Тувы. Под влиянием этих новых тенденций натуральное хозяйство тувинцев и их патриархально-феодалные социальные отношения стали постепенно разлагаться; начал складываться местный рынок, тесно связанный с Сибирью и Россией; появился наемный труд. Тувинцы нанимались на золотые прииски в качестве чернорабочих, шли работать за мизерную оплату к иноземным купцам, а также к русским предпринимателям и кулакам. П.Е.Островских наблюдал, как некоторые ламы, принадлежащие к низшему и среднему сословию сангхи, нанимались в качестве работников на русские фабрики, где они косили сено, ухаживали за лошадьми, сторожили торговые объекты (Островских 1927:88). На этом фоне резко возростала классовая дифференциация, сопровождавшаяся обеднением подавляющей части местного населения. Эти изменения в совокупности способствовали возникновению зачатков капиталистических отношений, элементы которых в зародышевой форме проступали в производстве, организованной не только русскими, но и тувинскими предпринимателями, что в целом было важным моментом в развитии социальных отношений в Туве. Наиболее яркой фигурой, воплощавшей этот новый тип, был крупный богач и торговец Ажыкай, живший на Элегесте и Межегее; он вел успешную торговлю с русскими и китайцами.

Таким образом развитие торговли с русскими (фото 12), открытие русской золотопромышленности в Туве в конце XIX в., переселение сюда на постоянное жительство крестьян из разных губерний России положили конец той ситуации замкнутости, изоляции тувинской экономики, в которую ее поставили маньчжуро-китайские завоеватели.

Менхен-Хельфен приехал в Туву в то время, когда республика делала большие шаги на пути сближения с Советским Союзом, и это не могло ускользнуть из его поля зрения. Победа социализма в СССР, содружество 15 союзных республик, входивших в его состав, глобальные преобразования в политической и социально-экономической жизни страны явились огромной притягательной силой, побуждавшей тувинский народ к присоединению к СССР.

Одним из важных моментов на пути сближения СССР и ТНР стало создание тувинской письменности, которое не обошлось без участия советских ученых. Менхен-Хельфен как раз застал этот процесс в самом разгаре. Обсуждались два проекта письменности на основе латинизированного алфавита, один из которых содержал очень мало знаков, а другой, наоборот, слишком много (Менхен-Хельфен 1931:111). Одним из тех, кто занимался ее составлением, был известный лама Верхнечаданского хурэ Монгуш Лопсан-Чимит. На одном из заседаний ЦК Политбюро ТНРП в 1929 г. специальным постановлением на него была возложена ответственность за эту работу, а Министерству иностранных дел ТНР поручен контроль за ее исполнением. Однако вскоре на VIII съезде ТНРП в ноябре 1929 г. официально прозвучало: «... составление письменности ламой считать совершенно недопустимым как с моральной точки зрения, так и с политической» (ЦАДПОО, ф.1, оп.1, д.263, л.1-2; д. 456, л.67; д. 465, л.37; д.615, л.9; д.675, л.5; д.906, л.4). На этом же съезде была принята резолюция: «Исходя из того, что выработка родной письменности и ее усовершенствование продлится ряд лет, и считаясь с тем, что изучение монгольского языка и письменности представляет для тувинцев большие трудности, в силу отсталости и некультурности монгольского языка и письменности – признать необходимым ввести во всех школах преподавание русского языка, являющегося наиболее культурным по сравнению с монгольским и открывающим доступ к подготовке квалифицированных кадров» (Кужугет 2003:195).

Другой проект тувинской письменности на основе латинизированного алфавита был составлен при участии тюркского кабинета Института языка и мышления АН СССР, комиссии по прикладной лингвистике Научно-исследовательской ассоциации национальных и колониальных проблем (НИАНКП) и кафедры родных языков КУТВа (Хомушку 2002:14). Одним из его активных разработчиков был в ту пору еще малоизвестный молодой тюрколог А.А.Пальмбах; его соратниками были известные языковеды Е.Д.Поливанов и Н.Н.Поппе. Судьбы двух последних сложились весьма драматично: первый стал жертвой массовых репрессий,

на имя второго по политическим мотивам был наложен многолетний запрет (Татаринцев 2003:290-291). Однако труд их не пропал даром, предложенные ими проекты легли в основу тувинской национальной письменности, которая была официально введена декретом правительства ТНР 28 июня 1930 г. Это событие, по существу, положило начало победному шествию тувинского языка, отодвинув монгольский на второй план. Менхен-Хельфен пишет, что в то время в Туве издавалась всего одна газета на монгольском языке, на котором говорило около 2% населения (Менхен-Хельфен 1931:111).

Состоявшийся в апреле 1941 г. XII внеочередной съезд ТНРП принял Программу партии, в которой указывалось, что она идеологически базируется на теории марксизма-ленинизма, ставит своей конечной целью построение социалистического общества и руководствуется на практике социалистическим строительством СССР. При этом подчеркивалось, что только органическая связь с Советским Союзом обеспечит успешное политическое, экономическое и культурное развитие Тувы на пути к социализму.

На этом же съезде было принято историческое решение о национальной письменности. Чтобы закрепить исторически сложившуюся связь тувинского языка с русским и сблизить тувинскую письменность с письменностями народов Советского Союза, съезд постановил перевести ее с латинизированного алфавита на кириллицу, т.е. русский. Постановлением ЦК ТНРП и Совета Министров ТНР от 8 июля 1941 г. был утвержден новый алфавит на основе русского, разработанный группой советских ученых под научным руководством А.А.Пальмбаха. Ю. Ч. Хомушку отмечает: «Непосредственное участие в создании, распространении и совершенствовании тувинской национальной письменности советских востоковедов-тюркологов имело огромное морально-психологическое влияние на тувинцев. В сознании многих возможность читать и писать на родном языке прочно ассоциировалась с образом советского ученого-просветителя и педагога. Создание и распространение тувинской письменности дало толчок развитию национальной художественной литературы, периодической печати, книгоиздательству (фото 6). Литература и пресса стали одним из наиболее мощных орудий влияния левых. Тематика книг, газет и журналов оказывали серьезное влияние на идеологическую ориентацию тувинских аратов» (Хомушку 2002:15). Перевод тувинской письменности на русский алфавит открыл для тувинцев также возможность изучения русского языка, как языка межнационального общения в СССР и в значительной степени способствовал сближению тувинского народа с народами

Советского Союза и, прежде всего, с русским.

Вслед за введением письменности получила развитие и система народного образования, которая, как и следовало ожидать, строилась по образцу советской школы, т.е. на принципах всеобщего советского обучения детей школьного возраста, без различия национальной, религиозной, классовой и половой принадлежности. Развитие системы народного образования в Туве происходило при непосредственной и всесторонней поддержке Советского Союза (ссуды на строительство школ-интернатов, помощь в составлении учебников и школьных программ, подготовка педагогических кадров и т. п.) (Хомушку 2002:14). С 1942-1943 уч. г. во всех школах республики было введено обязательное изучение русского языка. Школы ТНР призывались в будущем обеспечить партийный госаппарат кадрами, которые были бы способны свободно вступать в общение с советскими гражданами и совместно с ними претворять в жизнь принципы социалистического строительства.

В эти годы в Туве наметились некоторые позитивные перемены. Так, улучшение условий жизни, повышение материального благосостояния, развитие здравоохранения привели к росту численности тувинского населения с 64,9 тыс. человек в 1930 г. до 81,1 тыс. в 1944 г., а общая численность в стране за это время возросла с 82,2 тыс. до 95,4 тыс. человек (История Тувы 1964:233). Большинство кожуунных и сумонных центров республики стали оседлыми населенными пунктами. Однако, несмотря на эти успехи, темпы развития экономики и культуры и внутренние возможности ТНР были далеко недостаточны для ускоренного осуществления социалистической реконструкции народного хозяйства и образа жизни. Страна в экономическом и культурном отношении продолжала оставаться далеко позади тех национальных областей и республик, которые вошли в состав Советского Союза намного раньше.

На Чрезвычайной VII сессии Малого Хурала трудящихся ТНР, состоявшейся в августе 1944 г., по поручению ЦК ТНРП и правительства ТНР с докладом о стремлении тувинского народа к вхождению в состав СССР выступил член Президиума Малого Хурала Салчак Тока. В докладе говорилось о многовековых исторических связях тувинцев с русским народом, о совместной борьбе под руководством российского пролетариата за освобождение от социального и национального гнета, об общности исторического развития на пути к социализму, о всесторонней помощи Советского Союза ТНР. Кроме депутатов на сессии присутствовало более 100 представителей трудящихся из кожуунов и Кызыла, делегации СССР и Монголии. Участники сессии единодушно высказались за вхождение Тувы в состав СССР, считая, что это полностью соответствует интересам

и чаяниям тувинского народа. Сессия единогласно приняла декларацию «О вхождении Тувинской Народной Республики в состав Союза Советских Социалистических Республик». Так, идея, когда-то принадлежавшая отдельным представителям феодально-чиновничьей верхушки Тувы, была реально претворена в жизнь политиком новой волны, вчерашним выпускником КУТВа Салчаком Тока (фото 8).

В этих условиях включение Тувы в состав СССР отвечало интересам и советского руководства, стремившегося обеспечить свою безопасность на тувинско-монгольском участке советско-китайской границы. Вопрос состоял лишь в том, когда этот шаг будет осуществлен. Решающее слово оставалось исключительно за советским руководством, которое выжидало наиболее подходящее время для этого. Оно вскоре наступило. Победа Красной Армии в 1943 г., ознаменовавшее перелом в ходе Великой Отечественной войны, возрастание авторитета СССР в мире, подготовка к вступлению Советского Союза в войну на Дальнем Востоке и активизация политики Китая по возвращению «утраченных территорий» заставили руководство Советской страны форсировать события и, не дожидаясь окончания войны, включить Туву в состав СССР (Хомушка 2002:16). 11 октября 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР, всесторонне рассмотрев и обсудив просьбу трудящихся ТНР, принял Указ «О принятии Тувинской Народной Республики в состав Союза Советских Социалистических Республик».

Вступление Тувы в состав Советского Союза явилось поворотным событием в жизни тувинского народа, началом качественно нового этапа в его истории, могучим ускорителем социального, экономического и культурного развития общества. За годы советской власти в Туве произошли такие глубокие социально-экономические и культурные преобразования, на свершение которых в других условиях потребовались бы века. Из края кочевого скотоводства и поголовной неграмотности Тува превратилась в аграрно-индустриальную республику, с поступательно развивающейся промышленностью и самобытной культурой.

Ускоренными темпами происходило и приобщение тувинцев к русскому языку. Массовое распространение тувинско-русского двуязычия в Туве началось лишь в 1950-е годы, тогда как среди других народов, в частности, нерусских народов различных автономий СССР, началом пути к общенародному двуязычию принято считать 1930-е годы. Следовательно, можно говорить о том, что движение тувинцев к всеобщему двуязычию проходило в более сжатые сроки (Анайбан 1985:24).

В настоящее время в Туве, как и в других национальных субъектах Российской Федерации, существуют три типа школ: тувинская, русская и

смешанная. В тувинских школах учатся преимущественно дети коренной национальности. В них обучение с 1 по 7 классы ведется на тувинском языке, а русский преподается как предмет с подготовительного по 11 класс, а с 8 класса преподавание всех предметов полностью переходит на русский язык. В русских школах помимо учащихся русской национальности немало учатся детей и из тувинских семей, последних часто отличает крайне слабое или полное незнание родного языка. В смешанных школах преподавание ведется на тувинском или русском языках в зависимости от состава учащихся в классах. По данным 2009 г, всего в республике существует 167 школ, из них тувинских - 134, русских - 7, смешанных - 26.

Надо заметить, что в советское время национальная школа не пользовалась таким успехом и спросом как сейчас, наоборот, многие городские тувинцы направляли своих детей в русские школы, считая образование на русском более престижным и перспективным. В результате подобной ориентации и образовался тот слой тувинцев, правда, незначительный, который не знает своего родного языка. Однако нельзя сказать, что у таких тувинцев с утратой родного языка произошла смена этнического самосознания.

Сегодня русский является родным языком не только для этнических русских, но и для миллионов граждан других национальностей, в том числе тувинцев. Кроме того, русский язык относится к немногим мировым языкам, наряду с английским, испанским, французским и арабским. На нем функционирует одна из крупнейших мировых культурных цивилизаций (Тишков 2001:218). Он является культурной собственностью и капиталом тех тувинцев, которые поставили перед собой цель расширить горизонты жизненного пространства. Знание ими русского способствует восприятию более широких мировых культурных ценностей и широкому взаимодействию в международном масштабе.

Таким образом, прогноз Менхен-Хельфена о том, что будущее Тувы связано с Советским Союзом, оказался более чем реальным. Однако несмотря на то, что Союз давно прекратил свое существование, и доля русского населения в Туве сегодня составляет всего 20, 1%, республика по-прежнему продолжает оставаться в поле российского и русскоязычного влияния.

8. «Женщины с гордой осанкой», лелеющие своих детей

Весьма интересные выводы делает Менхен-Хельфен о положении женщины в семье и обществе. Он отмечает, что «положение женщин тувинок довольно хорошее, во всяком случае несравненно лучше, чем у